

Джихад Анны Политковской «Мать Тереза» и стойкий оловянный солдатик российской журналистики

Руслан КУРБАНОВ

*А для чего ей это было надо:
Встать на пути отчаянной беды,
Второй чеченской – бешеного ада,
Распутывать преступные следы?
Размышления в пикете памяти
Анны Политковской*

«**Л**учшим джихадом является слово правды, сказанное в лицо несправедливому правителю», – неизвестно, была ли знакома Анна Политковская с этим изречением пророка Мухаммада. Но зато можно определенно сказать, что именно ради того, чтобы отстаивать собственное видение правды, Анна жила и умерла. Тем не менее героическая смерть отважного журналиста не должна скрыть от нас глубину трагедии ее жизни.

Анна Политковская вызывает в российском обществе настолько полярные чувства и эмоции, что уже только поэтому о ней нельзя говорить как об обычном журналисте. Как удалось одному человеку собрать богатый букет из таких противоречивых оценок – от «врага России» до «матери Терезы», – интересный вопрос.

Расходясь в оценке ее деятельности, и враги ее, и сторонники сходились в одном: она была красивой женщиной, ввязавшейся в мужские игры. Но ее трагедия заключалась отнюдь не в этом. Красивые женщины в мужских играх только приветствуются, если они послушно исполняют исключительно женские роли. Но если женщина претендует в этой игре на мужские роли, то рождается полярность оценок – от восторга до ненависти. Трагедия не только в том, что без матери осталась семья из двоих детей, но и в том, что без матери осталась большая семья из тысяч и тысяч униженных и оскорбленных...

Творчество Анны Политковской сложно назвать журналистикой в ее классическом понимании. Она не могла – да и не старалась – придерживаться объективной отстраненности, отсутствия своей оценки в описании проблемы или конфликта. Она, наоборот, целиком в них растворялась. А растворяясь, тут же принимала бой и вела его до самого конца – до полного изнеможения или полной победы.

Журналистика как участие

Ее супруг Александр Политковский, с которым они прожили вместе 21 год, признается в интервью нашему журналу, что еще где-то в начале 2000 года он, прочитав ее очередной опубликованный материал, сказал: «Ты понимаешь, это не журналистика». Сам Александр до сих пор теряется в попытках определить род деятельности Анны: «Это то ли писательство, то ли что-то еще...». Деятельность Анны он определяет как некую тревогу о справедливости, изливаемую на газетные полосы.

Юлия Латынина, соратница Анны Политковской по перу и либерально-журналистскому цеху, соглашается с тем, что работы Анны не были журналистикой. Но не в плохом, а в хорошем смысле слова. Чтобы проиллюстрировать свою мысль, она приводит в пример случаи, как сначала к ней, Юлии, а потом к Анне обратился за помощью Рашид Оздоев, бывший федеральный судья из Ингушетии. У него тогда пропал сын, а потом и второй, который попытался разыскать первого.

По словам Юлии, она отказала Рашиду Оздоеву в помощи, а Анна – нет. И вот, после нескольких публикаций Анны, случилось чудо: одного из сыновей выпустили, несмотря на то что, по словам Латыниной, в Ингушетии обычно не выпускают никого. «Я поступила как журналист, а Анна спасла жизнь человеку», – объясняет Юлия Латынина разницу между своим отношением к профессии и отношением к работе Политковской.

«А когда Анатолий Аграновский отстоял в 1960-е годы право Святослава Федорова на его метод, в результате чего Федоров смог прооперировать десятки тысяч людей по всему миру, вернуть им зрение, – это можно назвать журналистикой?» – вопрошает Дмитрий Муратов. И далее выказывает свою абсолютную уверенность в том, что у российской журналистики есть, может быть, неправильный, но тяжелейший, связанный с гуманистической традицией русской литературы, крест.

Муратов убежден в том, что журналист обязан не только описывать жизнь – он обязан в нее вмешиваться. «Это во многом чисто российский феномен, – утверждает Муратов, – и он ведется ровно от путешествия Чехова на Сахалин, после чего смягчились нравы в отношении каторжников; от Власа Дорошевича, от босяцких очерков Горького».

Если это и так, и если, как утверждает Муратов, вмешательство в окружающую жизнь и есть тяжкий крест российской журналистики, то это связано в первую очередь с тем, что на протяжении всей истории становления общества и государства Российского в нашей стране так и не сложились другие институты защиты простого человека.

Оттого эту ношу и пришлось взваливать на себя российской журналистике, которая таким образом превращалась в некий институт социального и политического участия. О чем тот же Муратов восклицает: «Скажите, а Михаил Леонтьев – это журналистика?»

На что сам Михаил Леонтьев дает ответ: «Нет, я не являюсь журналистом. И было бы глупо обвинять Политковскую в том, что она не соответствует стандартам того, чему не соответствую я сам... Объективной журналистики вообще не бывает, – продолжает Леонтьев. – Этот термин придумали ангосаксы, чтобы морочить людям голову». Но он считает, что существуют некие профессиональные требования к работе журналиста, которые в разных исторических и географических условиях бывают разными.

Но Анна Политковская определенно выбивалась из всех этих рамок. И в этой особой миссии русской журналистики Политковская и Леонтьев представляют собой наиболее яркие

примеры совершенно противоположных полюсов социального и политического участия журналиста. Это признает и сам Михаил, утверждая, что Анна была убежденным и страстным врагом правящего режима. По его словам, она была не журналистом, а борцом. Борцом в первую очередь с правящим режимом. За что ее, собственно, и убили, на его взгляд, желая подставить режим.

На вопрос о том, насколько приемлема для журналиста такая позиция плотного участия в жизни окружающего общества, Юлия Латынина отвечает: «Мать Тереза не была врачом. И Анна Политковская не задавалась вопросом о том, имеет ли журналист право быть матерью Терезой — она его просто была. Врачей много, но мать Тереза была одна. Журналистов много, а Политковская была одна».

Материнские качества, приписываемые Анне Политковской по отношению к людям, которых она защищала, упоминаются многими ее коллегами и близкими. И опять — на фоне диаметрально противоположных оценок со стороны противников ее деятельности.

Михаил Леонтьев убежден, что ее позицией защиты прав чеченцев технически пользовались чеченские бандиты для прикрытия и обеспечения своих операций против российских солдат. «На их совести просто сотни жизней, — утверждает Леонтьев, имея в виду соратников Анны по демократическому лагерю. — Это люди, которые в условиях войны сознательно или бессознательно работали с врагом».

Как полагает Александр Политковский, дело было не в чеченцах. Она была готова помочь всем, кому нужна была помощь.

Дмитрий Муратов разделяет точку зрения, что источником ее энергии была отнюдь не ненависть к убийцам чеченского народа. «Точно так же она яростно нападала на Масхадова, когда тот, по ее мнению, не шел на необходимые шаги по прекращению войны, — поясняет Муратов. — У них с Масхадовым даже были на этой почве очень серьезные личные конфликты, — продолжает он. — И она его неоднократно упрекала в газете в том, что он не хочет принимать шаги для достижения мира в Чечне». Основными же интересами, которыми она руководствовалась в своей работе, по словам Муратова, были интересы тех людей, которые к ней приходили за правдой и защитой.

Александр Политковский уверяет: «Поймите, если бы это было в Якутии, она бы защищала якутов. Взять хотя бы тот самый 45-й полк, где ей чуть ли не расстрелом грозили. Приблизительно через год после этого к ней пришли офицеры того самого полка, которым не заплатили боевые и сняли с очереди на жилье. И она точно с такой же энергией защищала уже права этих офицеров».

«А Чечня вызывала у нее интерес, — объясняет Муратов, — именно творящимися там преступлениями, похищениями людей, вымогательствами, тем, что там бэтээры ездят с замаскированными номерами гораздо чаще, чем в пределах Садового кольца». Со слов ее коллег, к ней постоянно выстраивалась очередь из тех, кто доверял ей. Доверял тому, что она пишет. Очередь из тех, кто надеялся, что она их защитит. Причем эти люди зачастую не называли своих имен — боялись расправы.

Юлия Латынина признает, что Анна, как правило, верила всему, что рассказывали пришедшие к ней люди. Когда ей описывали очень страшные вещи, она их публиковала в газете, даже если не находила тому подтверждения. «Иногда при этом она садилась в лужу, — гово-

рит Юлия Латынина. – Но процентов 70 из написанного ею – это вещи, о которых не решался написать никто».

Именно эту склонность оперировать непроверенными фактами ставят ей в вину все критики. Михаил Леонтьев убежден, что Анне Политковской факты, которые компрометируют режим, только казались реальностью. «Она не могла перепроверить факты, – утверждает Леонтьев. – Я знаю истинную суть некоторых из ее историй о замученных чеченцах. Некоторые из них были очень крупными кровавыми бандитами. А некоторые – агентурой, которые приходили к ней, будто похищенные федералами невинные чеченцы».

В этой особой миссии русской журналистики Политковская и Леонтьев представляют собой наиболее яркие примеры совершенно противоположных полюсов социального и политического участия журналиста

Дмитрий Муратов также не отрицает, что Анна безоговорочно доверяла своим источникам. Но, с его слов, она старалась, насколько было возможно, эти факты проверить. «Но это же была глухая стена! – восклицает Муратов. – Проверить же ничего фактически было невозможно! А как это было возможно делать? Война, власти нет... Не к кому ей было обращаться, кроме очевидцев и свидетелей. А другая сторона всегда все отрицала, твердила, что ничего этого не было. Ведь и Чернокозово тоже долгое время отрицали... Но, кстати, именно благодаря ее материалам, – продолжает Муратов, – заставили писать номера на бэтэрах, а маски снимать».

Муратов считает, что чеченская война дала рождение такому явлению в России, как женская военная журналистика. И для большинства женщин журналистов эта война закончилась трагично. Смерть и плен, как в случаях с Надеждой Чайковой и Еленой Масюк, подстерегали в Чечне женщин-журналистов так же часто, как и мужчин.

«И эта женская журналистика была очень правильной, – размышляет Муратов. – Она несла в себе гораздо больший гуманистический заряд. Это главное, чего нам сегодня не хватает».

Эта женская военная журналистика, на его взгляд, является продолжением русской традиции гуманизма. Политковская же в своей журналистской деятельности руководствовалась тем же, что и сестры милосердия: материнским инстинктом, присущим любой женщине, – желанием помочь и заслонить.

Трагедия Анны Политковской усугублялась тем, что со временем многие привыкли к тому, что она бесстрашно рвется в бой и готова отстаивать самую жуткую правду. Оттого многие обращавшиеся к ней за защитой (не называвшие своих имен из страха, предоставлявшие ей информацию, которую невозможно проверить) фактически пользовались ею как щитом или как тараном, толкая впереди себя.

Дмитрий Муратов утверждает, что по этому поводу они с ней постоянно конфликтовали. «Я ее всегда убеждал, – рассказывает он, – что негоже красивую молодую женщину толкать впереди себя, а она говорила, что не может обвинить этих людей в отсутствии смелости, поскольку практически всех чеченских пассионариев война выбила. Поэтому она говорила, что

Сгоревший боец

всегда будет защищать этих людей, чтобы им возвращали родственников, платили компенсацию, не требовали дань».

Дмитрий Муратов утверждает, что в борьбе против Кадырова Анне было абсолютно не важна его личность. Ей было все равно, Кадыров это или не Кадыров. Ее интересовала судьба конкретных людей. «Человек и его право на жизнь, на свободу и на собственность, а никакой не Кадыров, были объектами ее внимания», – повторяет Муратов.

Юлию Латынину Анна критиковала за то, что та, зная о том, что творится в Чечне, все же приняла фигуру Кадырова. «Ее отношение к деятельности Кадырова основывалось на позиции правозащитницы, поскольку то, что творилось в Чечне, не влезало ни в какие правовые рамки», – утверждает Латынина.

«Я же относилась и отношусь к Рамзану Кадырову, как Николло Макиавелли относился к Цезаре Борджиа. И примерно по тем же причинам», – продолжает она.

Что это за причины, Юлия пояснила ранее в своем комментарии: она хоть и воспринимает правление Кадырова в Чечне как диктатуру, но считает эту диктатуру эффективной, при которой республика отстраивается темпами Магнитки.

Будучи журналистом, достаточно тонко чувствующим кавказскую специфику, Юлия Латынина поясняет, что трагедией многих журналистов являлось то, что они, оказавшись в воюющей Чечне, не осознавали, что это общество существует по совершенно другим законам. «Если вы приехали к волкам и думаете, что это пудели, вас ждут неприятные неожиданности», – заявляет она. Именно в эту ловушку собственных иллюзий и заблуждений, со слов Латыниной, попали и Елена Масюк, и Политковская. Приехав в воюющую республику, Анна продолжала помогать простым людям, несмотря на опасности, угрожавшие ее собственной жизни.

Александр Политковский уверяет, что, когда они уже не жили вместе с Анной, он с Муратовым договаривался, что редакция больше не будет отправлять ее в Чечню. На что Муратов ответил, что, когда она звонит ему, оказывается, что звонок сделан из Владикавказа.

«Редакция ее туда не посылала, – объясняет Александр, – Но ее могли туда посылать правозащитники, она сама могла и на запрос откликаться. Проблема была в том, что она стала фактически загнанной лошадкой, которую гонят впереди и которая уже не может остановиться».

По словам Муратова, Политковская как человек глубоко демократических взглядов исповедовала некий политический протестантизм, который, переформулировав древних греков, изложил Лев Толстой: «Делай что должен, и пусть будет что будет». А должным она, судя по всему, считала именно произнесение того слова правды, которое согласно исламской традиции и является лучшим джихадом.

Стойкий оловянный солдатик

Нельзя сказать, что Анна Политковская не боялась расправы. Она сама знала, что это реальная опасность. Об этом ее постоянно предупреждали близкие и коллеги. По словам Александра Политковского, еще в начале 1990-х, в пору, когда он еще вел программу «Взгляд», он заставил Анну оформить гражданство США. «Когда меня стали снимать с эфира и прессовать, –

рассказывает Александр, — я попросил ее оформить американское гражданство, чтобы она могла хотя бы детей спасти, если меня посадят».

Потом был эпизод с угрозами в адрес Анны со стороны некоего анонимного адресата за подписью «Кадет». Под этим именем мог скрываться осужденный на основе ее публикаций боец ханты-мансийского ОМОНа Сергей Лапин.

Именно тогда Анна действительно, почувствовав реальную угрозу, предприняла попытку уйти от нее. Некоторое время она пережидала в Вене, на квартире, которую для нее снимала редакция. Но, дописав очередную книгу, Анна предпочла вернуться в Россию и продолжить свою миссию. Видимо, она все-таки верила, что Москва — это не Махачкала и не Назрань, где журналистов и оппозиционеров убивают на улицах. Но оказалось, что для некоторых вся Россия превратилась в большой Кавказ.

Политковская в своей журналистской деятельности руководствовалась тем же, что и сестры милосердия: материнским инстинктом, присущим любой женщине, — желанием помочь и заслонить

Трагедия Анны Политковской заключалась в том, что она стремилась быть и бойцом, и матерью Терезой одновременно. Она не смогла выбрать одну миссию и действовать соответственно ей.

Тимур Алиев, некогда редактор независимой чеченской газеты, а ныне советник президента Чечни, рассказывает, что в его бытность редактором к нему пришли люди, которые жаловались на чиновничий произвол. Они просто рассказывали о своих проблемах, ничего не прося, и говорили, что про них год назад уже писала Анна Политковская. И они, памятуя о том сочувствии, что она проявила к ним, просто пришли в редакцию рассказать о своих новых трудностях.

«О чем говорит этот пример? — спрашивает Тимур. — О том, что при сегодняшнем дефиците доверия со стороны общества по отношению к прессе одна журналистка смогла переломить эту ситуацию. Мне кажется, это лучшая память, которую может оставить по себе журналист».

И при такой потребности униженных и оскорбленных в ней Анна Политковская, разрывавшаяся между двумя своими гранями, сгорела в огне своего непримиримого джихада как стойкий оловянный солдатик вместе с бумажной красавицей своей мечты о другой России...